

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

ПОСЛАНИЕ МОЛОДЫМ АМЕРИКАНЦАМ

Как часто к запаху еще не просохшей типографской краски примешивается запах плесени: в кричащие одежды новомодной, ультрасовременной фразеологии облекаются старые, отжившие свой век иллюзии, мифы, софизмы. Но, по счастью, бывает и обратное: затерянные строки, связанные с событиями, которые уже стали историей, доходят до нас, сохранив всю свою силу и свежесть. Тому пример — «Послание молодым американцам» Сент-Экзюпери, которое мы предлагаем вниманию читателей.

Написанное в 1942 году, в разгар великой битвы против фашизма, оно звучит как завет участников этой битвы тем, кто призван созидать и отстаивать достойное человека будущее, во имя которого они сражались и умирали.

Это будущее для Сент-Экзюпери означало свободу и демократию. Не формальную, бесплотную, мнимую свободу, освящаемую буржуазным индивидуализмом, а свободу, наполненную реальным содержанием, основанную на осознанной связи и глубокой гармонии между человеком и обществом. Не псевдодемократию, уживающуюся с расизмом и человеконенавистничеством, а демократию, не отделимую от гуманизма.

«Послание молодым американцам» согреето мечтой о человеческом братстве, об общественных отношениях, которые зиждутся «не на возвеличении личностей, а на культе Человека».

Конечно, и в «Послании» дает себя знать известная абстрактность, умозрительность в подходе к социальным проблемам, присущая Сент-Экзюпери. Даже в его фразеологии («христианская цивилизация», «религиозный дух» и т. п.) слышатся отголоски некоторых ложных представлений, от которых не был свободен этот большой художник.

Но все это не может заслонить от нас существа благородных, гуманистических идей Сент-Экзюпери, как нельзя более созвучных нашему времени, когда «поставлен вопрос о счастье» — не для человека как изолированной личности, а для человека как члена человеческого сообщества. Эти идеи не могут не быть нам близки и дороги.

 ероты Томпсон попросила меня сказать вам несколько слов, и я с радостью согласился. Я не чувствую себя здесь писателем, который обращается к какой-то абстрактной аудитории. Мне кажется, я просто сижу среди вас, молодых людей доброй воли, сижу как ваш товарищ и вместе с вами размышляю над одной из тех проблем, которые нас особенно тревожат. А главное — я говорю сейчас с вами так, как мне хотелось бы говорить с моими соотечественниками. Но они далеко. Будьте же вы моими друзьями.

Вы живете в военное время. Вы молоды. Вы готовите себя к тому, чтобы работать и сражаться за свою страну. Но ведь вы знаете, что дело идет о чем-то большем, чем судьба вашей страны. На карту поставлена судьба всего мира. И вы готовите себя к тому, чтобы работать и сражаться за свободу во всем мире.

Если бы вы были только солдатами, я говорил бы с вами как с солдатами. Я ска- зал бы вам: «Отложите в сторону все проблемы. Сейчас есть только одна проблема — война». Но вы молоды, и на вас лежит ответственность более серьезная, чем ответствен- ность солдат. На вас — двойная ответственность. Вы готовите себя к тому, чтобы сражаться за свободу. Но эту свободу вам еще предстоит осознать и создать.

Слова в человеческом обиходе ветшают и теряют свой смысл. Ветшают научные теории. Ветшают социальные формулы. Такова цена, которую человечество платит за свое движение вперед. Если вы не хотите жить мертвыми идеями, вы должны непре- станно их обновлять. Ведь свобода — это не та проблема, которую можно изолировать от всех остальных. Ибо человеку, чтобы стать свободным, нужно прежде стать чело- веком. Таким образом, в основе всех проблем, с которыми вы столкнетесь, лежит про- блема человека.

Ведь понятие свободы можно наполнить самым различным содержанием. Она мо- жет явиться свободой отказа от своих обычаев, разрыва со своими традициями, рав- нодушия к коллективу — в той мере, в какой вы не ущемляете других людей. Вы мо- жете сказать: «Свобода личности кончается там, где эта свобода начинает ущемлять ближнего». А вы нисколько не ущемляете своего ближнего, если ваша общественная жизнь ограничена лишь самыми необходимыми связями, такими, как труд ради хлеба насущного. Вы получаете только то, что вам причитается. Вас нет, и ваше отсутствие ничего не меняет. Но оказывается, что если ваше отсутствие и не ущемляет ближнего, оно ущемляет коллектив, ибо без вас он уже не так богат. Необходимо делать коллек- тив богаче, потому что он, и только он, в свою очередь делает богаче каждого чело- века. Каждый из нас — это человек, принадлежащий родине, профессии, цивилизации, религии. Не бывает просто человека. Собор сложен из камней. Камни составляют собор. Но собор облагораживает собою эти камни. Камни становятся камнями собора. Так же и ваше братство: вы обретете его лишь в чем-то гораздо более обширном, чем вы сами. Ибо братом можно быть в чем-то. Нельзя быть просто братом.

Люди жаждут обрести узы. Эти узы могут быть частными. Горбуны могут органи- зовать секту горбунов. Любой негорбун будет из нее исключен. Но гордость хри- стианской цивилизации, из которой все мы вышли и которую все мы, верующие и невер- ющие, считаем своей, состоит в том, чтобы искать эти узы во всеобщем.

Нацист силится определить германца или, что еще труднее, арийца, чтобы сделать его объектом изолированной религии. Мы пытаемся определить человека, чтобы сделать его объектом нашей религии. Вся наша цивилизация всегда и прежде всего пыталась определить человека. Когда вы требуете от врача, самого знаменитого и самого полез- ного, чтобы он, несмотря на свою значимость, рисковал собственной жизнью, спасая какого-нибудь заразного больного, вы ставите личность этого врача в подчиненное по- ложение не к другой личности, а к человеку, и неведомый заразный больной, как бы мало значителен ни был он сам по себе, оказывается представителем Человека. Если вы хотите освободить слово Демократия от всех недоразумений, затуманивших его лицо, скажите себе, что уважение к свободе определяется демократией как уважение к человеку и что для привнесения в демократию братства нужно строить человеческий коллектив не на возвышении личностей, а на подчинении личностей культуре Чело- века.

Ну, а для того, чтобы создать такое существо, которое будет шире, чем вы, и которое, в свою очередь, будет делать вас богаче благодаря самому факту своего суще- ствования, — для этого есть только одно средство. Единственное. Самые древние рели- гии открыли его задолго до нас. Оно — сама основа всякого религиозного духа. Вся- кого общественного духа. Оно, если хотите, является главным «фокусом». И этот фокус мало-помалу забыли с тех пор, как начался материальный прогресс. Этот фо- кус — жертва. А под жертвой я разумею не отказ от жизненных благ и не покаяние. Под жертвой я разумею бескорыстный дар. Дар, который не требует ничего взамен. Вас создает не то, что вы получаете. А то, что вы даете. То, что вы даете коллективу, созидает коллектив. И существование коллектива делает богаче вашу собственную сущность.

Видите ли, настоятельная необходимость для человечества вырвать человека из когтей рабства, гарантируя ему плоды его труда, заставила главное внимание напра-

вить на труд как на меновую стоимость. На труд как на товар. Но мы не должны забывать, что один из главных аспектов труда — это не заработная плата, которую он обеспечивает человеку, а духовное обогащение, которое он человеку приносит. Хирург, физик, садовник как люди богаче, чем игрок в бридж. Одна часть труда нас кормит, другая нас созидает, и созирует нас тот бескорыстный дар, который мы отдаем труду.

Дороти Томпсон призывает и вас: приносите свой дар. Она призывает вас создать коллектив. Когда вы, не требуя платы, соберете урожай на благо Соединенных Штатов и их победы в этой войне, вы тем самым поможете создать коллектив, носящий имя Соединенных Штатов. И создадите свое братство.

Мне хотелось бы рассказать о собственном опыте.

Целых восемь лет я жил жизнью летчика гражданской авиации. Я получал заработную плату. Я мог на заработанные деньги каждый месяц приобретать что-либо из жизненных благ. Но если моя работа летчика гражданской авиации не давала мне ничего иного, кроме этих материальных выгод, почему я ее так любил? Она дала мне гораздо большее. Вот тут-то и следует признать, что работа делала меня по-настоящему богаче только тогда, когда я отдавал ей больше, чем получал. Ночи, сделавшие меня выше и лучше, — это совсем не те ночи, когда я тратил заработанные мной деньги; нет, это другие ночи, там, в Буэнос-Айресе, в пору создания первых почтовых авиалиний, когда в третьем часу утра меня, только-только задремавшего после бесконечных полетов, после тридцати часов, проведенных в самолете без сна, неумолимый телефонный звонок, сообщавший о дальней аварии, подымал с постели: «Приезжай на аэродром... Нужно пролететь над Магеллановым проливом...» И я глотал черный кофе, чтобы не клевать носом в полете. Потом битый час тряски в машине по грязным ухабистым дорогам — и я на аэродроме, и вокруг — товарищи. Я молча пожимал руки, заспанный, злой, скрученный ревматическими болями, которые зима вам обязательно всучит после двух бессонных ночей... Я приказывал запустить моторы. Я читал метеорологические прогнозы, как читают отчеты рабочих бригад: грозы, изморозь, снег... и поднимался с земли и летел в ночь, навстречу неверному мерцанию рассвета. И вот теперь, когда я взвешиваю, какой вклад внесли в мое сердце события жизни, я обнаруживаю, что чего-то стоит лишь память об этих тяжелых трудах. Их светлый след волнует меня. Я снова ощущаю на вкус это братство по оружию в последние часы отступающей ночи. Недовольно ворча, пожимал я руки друзей, а теперь с удивлением понимаю, что эти руки оставили во мне могучий след — любовное воспоминание. Розыск пропавших товарищей, спешный ремонт, безмерная усталость — словом, та часть деятельности, за которую не идет зарплата, оказывается, она, и только она, дала мне рождение, хотя в то время я мог и не понимать всего ее могущества. А память о ночах, когда я растрчивал получку, — она лишь серый пепел, не больше.

Нет, я ничего не получил за свою работу, если считать ее ценность по километровому тарифу для пилотов почтовых линий. Моя работа ничего бы не стоила, если бы, питая меня материально, она в то же время не делала меня человеком «чего-то». Если бы она не делала меня летчиком «такой-то» почтовой линии, садовником «такого-то» сада, зодчим «такого-то» собора, солдатом «такой-то» Франции. Если наши свершения на почтовых линиях делали нас богаче сердцем, это происходило из-за тех даров, которых от нас почтовые линии требовали. Линия рождалась из наших даров. А родившись, она рождала нас. И сегодня, встречая товарища, я могу ему сказать: «А помнишь?..» То была удивительная пора, потому что, связанные общими дарами, мы друг друга любили.

25 мая 1942 г.

Перевод с французского М. ВАКСМАХЕРА

